

Замкнутые / сатирическая поэма

Category: Kitapcy, Poemalar

написано kitapcy | 25 января, 2025

Замкнутые / сатирическая поэма ЗАМКНУТЫЕ

I.

Я год провел в старинном и суровом,
Безвестном Городе. От мира оградясь,
Он не хотел дышать ничем живым и новым.
Почти порвав с шумящим миром связь.
Он жил былым, своим воспоминаньем,
Перебирая в грезах быль и сны,
И весь казался обветшалым зданьем,
Каким-то сказочным преданьем
О днях далекой старины.

Казалось мне: он замкнут безнадежно.
Давила с севера отвесная скала,
Купая груди в облачном просторе,
С востока грань песков, пустыня, стерегла.
А с двух сторон распростиралось море,
Безлюдно, беспощадно, безнадежно.
На пристани не раз, глаза с тоской прилежной
В узоры волн колеблемых вперив,
Следил я, как вставал торжественный прилив,
Как облака неслись – вперед и мимо, мимо...
Но не было вдали ни паруса, ни дыма –
Никто не плыл к забытым берегам...
Лишь абрис острова порой мелькал мне там,
Где явственно заря, когда без солнца светит,
Границу кругозора метит,
Но гасло все в лучах, мне памятно едва,
Все в благостный простор вбирала синева,

И снова мир был замкнут безнадежно.

Весь Город был овеян тайной лет.
Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.
На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен.
В проходах темных, полных тишины,
Неслышно прятались пристанища торговли;
Углами острыми нарушив ход стены,
Кончали дом краснеющие кровли;
Виднелись с улицы в готическую дверь
Огромные и сумрачные сени,
Где вечно нежилась сырые тени...
И затворялся вход, ворча, как зверь.

Из серых камней выведены строго,
Являли церкви мощь свободных сил.
В них дух столетий смело воплотил
И веру в гений свой, и веру в бога.
Передавался труд к потомкам от отца,
Но каждый камень, взвешен и размерен,
Ложился в свой черед по замыслу творца.
И линий общий строй был строг и верен,
И каждый малый свод продуман до конца.
В стремленьи ввысь, величественно смелом,
Вершилось здание свободным острием,
И было конченным, и было целым,
Спокойно замкнутым в себе самом.

В музеях запертых, в торжественном покое,
Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружие былое,
Трофеи победительной войны —
То кормы лодок дерзких мореходов,
То кубки с обликом суровых лиц,
Знамена покорявшихся народов
Да клювы неизвестных птиц.
И все в себе былую жизнь таило,

Иных столетий пламенную дрожь.
Как в ветер верило истлевшее ветрило!
Как жаждал мощных рук еще сверкавший нож!..
А все кругом пустынно-глухо было.

II.

Я в их церквах бывал, то пышных, то пустынных.
В одних всё статуи, картины и резьба,
Обряд, застывший в пышностях старинных,
Бессмысленно-пустая ворожба!
Над миром скованным гудящий вопль органа,
Зов пастыря — как божий голос — строг,
Вещает он с Синая, из тумана,
Лишь «Dominus vobiscum!» — «с вами бог!».
В других церквах восторг опустошенья,
На черных стенах цифры, ряд страниц;
Молящиеся, в чинном исступленьи,
Кричат псалмы, как стаи хищных птиц.
Но вопль органа вдруг — замрет, как самый камень.
Друг другу повторив, что это лишь обряд,
Они для памяти причастие творят,
И пастырь в сюртуке вещает важно: «Amen».

Я залы посещал ученых заседаний
И слушал с ужасом размерность их речей.
Казалось мне: влекут кумир огромный Знаний
Покорные быки под шелканье бичей.
Глубокой колеей, со стоном, визгом, громом,
Телега тянется — в веках намечен путь, —
Все было в тех речах безжалостно-знакомым,
И в смене скучных слов не изменялась суть.
Однажды ошибаясь при выборе дороги,
Они упрямо шли, глядя на свой компас.
И был их труд велик, шаги их были строги,
Но уводил их прочь от цели каждый час!

К художникам входил я в мастерские.

О бедность горькая опустошенных дум!
Искусство! вольная стихия!
Сюда не долетал твой вдохновенный шум!
Художник быть не может не пророком,
И рабство с творчеством согласовать нельзя!
Кто не прошел пустынь в томленье одиноком,
Не знает, где лежит святой мечты стезя!

В искусстве важен искус строгий.
Прерви души мертвящий плен
И выйди пламенной дорогой
К потоку вечных перемен.

Твоя душа — то ключ бездонный.
Не замыкай истомных уст.
Едва ты встанешь, утоленный,
Как станет мир — и сух и пуст.

Так! сделай жизнь единой дрожью,
Люби и муки до конца,
Упейся истиной и ложью, —
Во имя кисти и резца!

Не будь окован и любовью,
Бросайся в пропасти греха,
Пятнай себя священной кровью, —
Во имя лиры и стиха!

Искусство жаждет самовластья
И души черпает до дна.
Едва душа вздохнет о счастье, —
Она уже отрешена!

III.

А жизнь кругом лилась, как степью льются воды.
Как в зеркале, днем повторялся день,
С покорностью свой круг кончали годы,
С покорностью заря встречала тень.

Случалось в праздник мне, на площадь выйдя рано,
Зайти в собор с толпой нарядных дев.
Они молились там умильно, и органа
Я слушал в их кругу заученный напев.

Случалось вечером, взглянув за занавески,
Всецело выхватить из мирной жизни миг:
Там дремлют старики, там звонок голос детский,
Там в уголке – невеста и жених.
И только изредка над этой сладкой прозой
Вдруг раздавалась песнь ватаги рыбаков,
Идущих улицей, да грохотал угрозой
Далекий смех бесчинных кабаков.

За городом был парк, развесистый и старый,
С руиной замка в глубине.
Туда под вечер приходили пары –
«Я вас люблю» промолвить при луне.
В воскресный летний день весь город ратью чинной
Сходился там – мечтать и отдохнуть.
И восхищались все из года в год руиной,
И ряд за рядом совершали путь.
Им было сладостно в условности давнишней,
Казались сочтены движенья их.
Кругом покой аллей был радостен и тих,
Но в этой тишине я был чужой и лишний.
Я к пристани бежал от оскорбленных лип,
Чтоб сердце вольностью хотя на миг растрогать,
Где с запахом воды сливал свой запах деготь,
Где мачт колеблемых был звучен скрип.

О пристань! я любил твой неумолчный скрип,
Такой же, как в былом, дошедший из столетий, –
И на больших шестах растянутые сети,
И лодки с грузом серебристых рыб.
Любил я моряков нахмуренные взоры
И твердый голос их, иной, чем горожан.
Им душу сберегли свободные просторы,

Их сохранил людьми безлюдный океан.
Там было мне легко. Присевши на бочонок,
Я забывал тюрьму меня обставших дней,
И облака следил, как радостный ребенок,
И волны пели мне всё громче, всё ясней.
И ветер с ними пел; и чайки мне кричали;
Что было вокруг меня, все превращалось в зов...
И раскрывались вновь торжественные дали:
Пути, где граней нет, простор без берегов!

IV.

И понял я, что здесь царил кумир единый:
Обычной внешности. Пред искренностью страх
Торжествовал и в храме и в гостиной,
В стихах и вере, в жестах и словах.
Жизнь, подчиненная привычке и условию,
Елеем давности была освящена.

Никто не смел – ни скорбью, ни любовью
Упитья, как вином пылающим, до дна;
Никто не подымал с лица холодной маски,
И каждым взглядом лгал, и прятал каждый крик;
Расчетом и умом все оскверняли ласки
И берегли свой пафос лишь для книг!

От этой пошлости, обдуманной, привычной,
Как жаждал, хоть на час, я вольно отдохнуть!
Но где в глаза живым я мог, живой, взглянуть?
Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!
Как пристани во мгле, вы высились, дома,
И люди знали вновь, отдавшись вашей власти,
Все беспристрастие и купли и найма,
Паденья равенство и откровенность страсти!
Кто дни и месяцы (актеры и рабы!)
Твердили «строгий долг» и «скорбь об идеале»,
Преобразясь в огне желаний и борьбы,
То знали ненависть, то чувственно стонали,

То гнулись под рукой Слепой Судьбы!

Когда по городу тени
Протянуты цепью железной,
Ряды безмолвных строений
Оживают, как призрак над бездной.

Загораются странные светы,
Раскрываются двери, как зевы,
И в окнах дрожат силуэты
Под музыку и напевы.

Раскрыты дневные гробницы,
Выходит за трупом труп.
Загораются румянцем лица,
Кровавится бледность губ.

Пышны и ярки одежды,
В волосах алмазный венец.
А взглядишь в утомленные вежды,
Ты узнаешь, что пред тобой мертвец.

Но страсть, подчиненная плате,
Хороша в огнях хрусталей;
В притворном ее аромате
Дыханье желанней полей.

И идут, идут в опьяненьи
Отрешиться от жизни на час,
Изведать освобожденье
Под блеском обманных глаз, —

Чтоб в мире, на свой непохожем,
От свободы на миг изнемочь.
Тот мир ничем не тревожим,
Пока полновластна ночь.

Но в тумане улицы длинной
Забелеет тусклый рассвет.

И вдруг все мертво и пустынно,
Ни светов, ни красок нет.

Безобразных, грязных строений
Таут при дне вереницы,
И женщин белые тени,
Как трупы, ложатся в гробницы.

V.

И страшная мечта меня в те дни томила:
Что, если Город мой – предвестие веков?
Что, если Пошлость – роковая сила,
И создан человек для рабства и оков?
Что, если Город мой – прообраз, первый, малый,
Того, что некогда жизнь явит в полноте,
Что, если мир, унылый и усталый,
Стоит, как странник запоздалый,
К трясине подойдя, на роковой черте?

И, как кошмарный сон, виденьем беспощадным,
Чудовищем размеренно-громадным,
С стеклянным черепом, покрывшим шар земной,
Грядущий Город-дом являлся предо мной.
Приют земных племен, размеченный по числам,
Обязан жизнию (машина из машин!)
Колесам, блокам, коромыслам,
Предвидел я тебя, земли последний сын!
Предчувствовал я жизнь замкнутых поколений,
Их думы, сжатые познанием, их мечты,
Мечтам былых веков подвластные, как тени,
Весь ужас переставшей пустоты!

Предчувствовал раба подавленную ярость
И торжествующих многообразный сон,
Всех наших помыслов обманутую старость,
Срок завершившихся времен!

.

.

Но нет! Не избежать мучительных падений,
Погибели всех благ, чем мы теперь горды!
Настанет снова бред и крови и сражений,
Вновь разделится мир на вражьих две орды.

Борьба, как ярый вихрь, промчится по вселенной
И в бешенстве сметет, как травы, города,
И будут волки выть над опустелой Сеной,
И стены Тауэра исчезнут без следа.

Во глубинах души, из тьмы тысячелетий,
Возникнут ужасы и радость бытия,
Народы будут хохотать, как дети,
Как тигры, грызться, жалить, как змея.

И все, что нас гнетет, снесет и свеет время,
Все чувства давние, всю власть заветных слов,
И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов.

В руинах, звавшихся парламентской палатой,
Как будет радостен детей свободных крик,
Как будет весело дробить останки статуй
И складывать костры из бесконечных книг.

Освобождение, восторг великой воли,
Приветствую тебя и славлю из цепей!
Я – узник, раб в тюрьме, но вижу поле, поле...
О солнце! о простор! о высота степей!

1900–1901 гг., Ревель, Москва. Pоемалар